

ИНТЕРВЬЮ

С КНИГОЙ

В РУКАХ

К. Кубилинскас, А. Ионина-
са, А. Пакальниса?

— Да, их и других моих товарищей-сверстников, прокладывавших нам путь в сегодняшний день. Они не боялись ни угроз, ни смерти. В книге, о которой речь, мне хотелось сохранить верность памяти поколений и рассказать о важном периоде в жизни моей республики, не скрывая ошибок, но и не сгущая красок. Суть своей работы видел в том, чтобы люди не забывали о своих истоках, от-

части заполнить тот пробел, который существует в нашей литературе в изображении событий послевоенной поры. Ведь зачастую те годы рассматриваются как время одних лишь непоколебимых догм, ошибок, оплошностей. Однако и тогда были и успехи, и достижения, и крупные победы в социалистическом строительстве. Разве правомерно для литератора их игнорировать? Кстати, о том, что появилась беспокоящая тенденция искажать суть послевоенной классовой борьбы, говорилось и на одном из пленумов ЦК Компартии Литвы. И, думаю, обиднее всего: подобные искажения допускают те, кто непосредственно участвовал в битвах за новую жизнь. Конечно, и это естественно, что классовое, бескомпромиссное сражение не совершается в белых перчатках, не обходится без ошибок и синяков. Но было бы в высшей степени неверным изображать все лишь одной черной краской... И сегодня для тех, кто пишет о сложнейшем, полном драматизма времени, уже недостаточно только юношеского максимализма, а необходим диалектический подход, зрелый, партийный взгляд.

— В «Хронике одной волости», судя по всему, речь идет о вашей родной Ионишкской волости. Можно ли, исходя из этого, считать, что прототипы ваших героев — реальные люди?

— Несомненно можно. Со многими из них я вместе учился, даже за одной партой сидел. Это, кстати, те же края, где живут и герои «Потерянного крова» И. Авикиюса. Мы с Ионасом — земляки, учились в одной школе, у тех же учителей. А хроника одной волости — это совокупность событий и проблем, которые волновали тогда всю республику, каждого честного человека. Великая правда была на их стороне, они делали все, чтобы в эту правду поверил весь народ. О путях к ней я и хотел рассказать. Это не только мой путь, это путь всего нашего поколения.

— И все-таки почему именно такая форма? Ведь вы, насколько мне известно, никогда не обращались к драматургии (если не считать переведенных вами драматических произведений В. Маяковского). Недавно прочитал, как один из критиков, писавший о книге, упрекал вас за неподходящую, с его точки зрения, форму. Дескать, освобождая себя от весьма непопулярной театральной техники, автор получил бы возможность более свободно совмещать разные отрезки времени и места действия, избежать привычного для пьесы дробления разговорной речи. Как вы смотрите на этот упрек и как возникла такая

форма, или, по его словам, «техника»?

— Не скрою, что форма произведения, которую одни называют драматической поэмой, другие — поэтической драмой, была несколько неожиданна и для меня самого. Однако мне кажется, что она продиктована событиями времени, о котором я пишу. Они были и драматические, и весьма трагические. Я чувствовал всем существом своим, что только в такой форме можно выразить все скопившееся в сердце. И вряд ли драматическая техника, то есть монологи и диалоги, мешают автору выразить свои мысли.

— По тексту поэмы рассказ оборвется понедельником, 21 мая 1945 года. Однако мне думается, что драма должна иметь продолжение.

— Возможно. Хотя пока я работаю над новой книгой стихов. А журнал «Литва литературная» готовит публикацию поэтической драмы на русском языке.

— Полемичность, свойственная вашему творчеству, характерна и для этой книги. И это весьма отрядный факт. Тем более что полемичность, острота мысли — не такие уж частые гости в нашей поэзии...

— Что ж, каждому свое. Древо литовской поэзии, выросшее ввысь и вширь, никогда не теряло способности расти вглубь. Наша поэзия сейчас разнообразна и талантлива, как никогда. Однако кое-чего ей и недостает. Во-первых, недостает повседневного внимательного взгляда на действительность, на жизнь во всех ее проявлениях, как позитивных, так и негативных. Она теряет былую боевитость — традиционную черту литовской поэзии. Во-вторых, количество еще далеко не всегда перерастает в качество. Все больше у нас, к сожалению, появляется красивых, грамотно сделанных стихов ни о чем. Читатель начинает терять интерес к поэзии. Это я чувствую по работе в журнале «Пяргалес». На моем редакторском столе масса стихов. Словом, очень много поисков и значительно меньше ценных находок.

А вообще если нынешняя литовская поэзия — и не только она — склонна исследовать корни национальной культуры в прошлом, в древней литературе, истории, то меня больше всего интересуют истоки Советской Литвы, новой, социалистической морали, социалистического гуманизма, новые критерии революционной морали, новые духовные ценности.

Беседу вел
П. КЕЙДОШЮС

ВИЛЬНЮС

Юозас 2207
МАЦЯВИЧЮС:

ПАМЯТЬ О ПАВШИХ И ЖИВЫХ

На прилавках книжных магазинов Литвы появилась новая книга Ю. Мацявичюса «Сохрани нашу память о них». Имя писателя хорошо знакомо литовским читателям. В 1970 году его поэтический сборник «Повседневная книга» отмечен Государственной премией республики. Известно его творчество и союзному читателю: на русском языке вышли стихотворные сборники «Ветер в лицо» (1972) и «Дистанция» (1976).

Книга Ю. Мацявичюса знаменует как бы новый этап в творчестве поэта. Она неожиданна по форме: ее можно назвать драматической поэмой или стихотворной драмой, хотя сам поэт назвал книгу «Хроникой одной волости».

— Время действия вашей стихотворной драмы, будем называть ее так, точно определено: она начинается в понедельник, 14 мая 1945 года, в 20.00 и кончается спустя неделю — в понедельник, 21 мая, в 8.00. Что стоит за этими несколькими днями?

— В Берлине только что подписан акт о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии, из Курляндии возвращаются воины, мои ровесники. Вся страна в радости, а в отдаленной литовской волости никто и не думает снимать шинель или сдавать в хозяйстве автомат или винтовку. Здесь в неделю, порой буквально в один день, решается судьба многих людей. В мгновение люди мужают, седеют и даже гибнут. Гибнут победители, только что окончившие долгий путь военных испытаний и лишений. А это уже и конфликт, и трагедия. Новой книгой я как бы отдаю дань тем своим сверстникам, которые, будучи прямыми свидетелями и участниками борьбы, не успели сказать всю правду о своем суровом времени. Я чувствовал необходимость и даже обязанность говорить и от их имени...

— Вы имеете в виду рано ушедших от нас В. Грибаса,

куда пошло все то, чем мы располагаем сейчас.

— В отличие от других ваших произведений герои новой поэмы — в основном интеллигенты. С чем это связано?

— Судьба литовской сельской интеллигенции была неотделима от живой жизни. Главной фигурой в волости был парторг. Из небогатых своих рядов той поры (в Компартии Литвы тогда состояло около 3500 членов) партия слала самых опытных и преданных. Они, люди со светлым умом и отважным сердцем, сплывали вокруг себя тех, кто искал пути в новую жизнь.

— Но ведь, как мне кажется, в ту пору не было принято доверять «мягкотелым интеллигентам»?

— Да, верно. И сейчас иногда интеллигент тех далеких лет изображается как колеблющийся, ищущий третьего пути индивидуум. Да, в борьбе за будущее интеллигенции пришлось преодолеть огромные противоречия, пройти через мучительные сомнения. И все-таки то время было особенно важным для формирования нового поколения интеллигенции.

Мне хотелось хотя бы от-